

Инзубов

РОМАН

Роман «Инзубов» является пятой книгой пенталогии «Траектории СПИДа». Героиня первых четырёх книг «Настенька», «Джалита», «Александра» и «Настасья Алексеевна» жительница благополучной московской семьи, студентка института иностранных языков, переживает изменения в России, начавшиеся в 1984 году с приходом к власти в стране Горбачёва. В 1991 году она уезжает работать переводчицей на архипелаг Шпицберген, где выходит замуж за Инзубова, судьбе которого на фоне изменения политической ситуации в стране посвящена пятая книга. Роман рассказывает читателю о страницах жизни в России, стране, подверженной великой трагедии развала, знакомит с некоторыми известными личностями в литературе и истории страны. Заканчивается роман приближением и началом нового тысячелетия.

МОСКВА

2023

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1 Чехарда или чёрный понедельник.....	4
Часть 1 Пещерный человек	4
Часть 2 Коммунизм на Шпицбергене.....	6
Часть 3 В музее.....	7
Часть 4 Ценовая проблема.....	8
Часть 5 Адвокат в помощь.....	10
Часть 6 Девальвации не будет.....	12
Глава 2 Москва. Ох, много в этом звуке!.....	13
Часть 1 Московская квартира.....	13
Часть 2 Застолье.....	16
Часть 3 Тревоги рождения.....	18
Часть 4 Что с банком?.....	20
Часть 5 Лизонька на руках.....	22
Глава 3 Венок проблем.....	23
Часть 1 Синдром зарубежной слепоты Гольца.....	23
Часть 2 Литературное начало.....	31
Часть 3 Решение банковской проблемы.....	38
Глава 4 Когда приходит счастье.....	40
Часть 1 Новое знакомство.....	40
Часть 2 Не купить ли дачу?.....	43
Часть 3 Решение принято.....	44
Глава 5 Сложная жизнь.....	46
Часть 1 Правда о правде.....	46
Часть 2 Критика Солженицина.....	49
Часть 3 Правда. В какую верить? Какую освещать в газете?.....	54
Часть 4 Вступление в Союз писателей России.....	57
Часть 5 Мы никогда ни от кого не отделялись	59
Часть 6 Чечня, Ельцин и Путин.....	70
Глава 6 Властные коммунисты.....	72
Часть 1 Важный пленум горкома комсомола.....	73
Часть 2 Вперёд к консенсусу!.....	86
Часть 3 Казнить нельзя помиловать.....	91
Часть 4 Скачки трудовой биографии.....	93

Глава 7 Разные радости.....	95
Часть 1 Дачные удачи.....	96
Часть 2 Приятные соседи.....	99
Часть 3 Военная операция Путина в Чечне.....	104
Часть 4 Новогодняя речь президента Ельцина.....	107
Глава 8 Начало нового века.....	110
Часть 1 Празднование первого года второго тысячелетия.....	110
Часть 2 Почему я голосую за Зюганова?.....	112
Часть 3 Экспромт после завтрака.....	116
Часть 4 Печальный итог	119
Часть 5 Трясогузки – хозяйки.....	121
Часть 6 Гибель подводной лодки «Курск».....	126
Часть 7 Пляс на сковородке.....	131
Глава 9 Память неизбывная.....	133
Часть 1 Рассказ о семье.....	133
Часть 2 Первые впечатления.....	140
Часть 3 Грустная Ялта.....	143
Часть 4 Знакомство у моря.....	148
Часть 5 Байки Людмилы.....	151
Часть 6 Лесные восторги.....	155
Глава 10 Первый год второго тысячелетия.....	158
Часть 1 ОМОН против бунта народа.....	159
Часть 2 Н-н-э прерывайте мою мысль.....	163
Часть 3 Хочу в рай, да грехи не пускают.....	167
Часть 4 Чем повернётся новый век?.....	169
ЭПИЛОГ	170
Закон, восхитивший трудовую планету.....	170
Главная песня страны.....	174
Уроки французского.....	177
Письмо президенту России.....	179
Почему меня убивали?.....	183

ГЛАВА 1

ДЕНЕЖНАЯ ЧЕХАРДА, ИЛИ ЧЁРНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Часть 1. Пещерный человек

Ах, эти деньги, деньги, деньги. Кто их выдумал? Ведь жил же первобытный народ без денежных знаков, без маленьких и больших купюр, без банков и капиталов. Ну, подумаешь, шкуры медвежьи носили вместо лисьих или соболиных шуб. На пояс шкурку какой-нибудь овцы привяжешь, чтобы бёдра и прочее укрыть от лесных колючек, когда продираешься сквозь заросли в погоне за зверем. А на шею повесишь коготь бронтозавра в память об охоте на него, да чтоб покрасоваться перед молодкой, что ждёт в пещере у костра. Коготь, что висит на груди на крепкой жиле, он ведь не только о славе охотника говорит, но и как бы злых духов отгоняет. А что ещё нужно гомо сапиенсу, кроме жареного мяса, черпака воды, да женской ласки?

Бывало, возвращаются мужики густым лесом гуськом с охоты. Жили-то в те времена племенами, а не семьями, чтобы легче себе пропитание добывать и от непрошеного зверья обороняться. И вот, двое несут на плечах палку с привязанным к ней за ноги убитым козлом или кабаном, а следом другие такие же бородатые и длинноволосые, узколобые да с широкими ноздрями, как первые два, и тоже не пустыми идут, а у кого на спине кусок туши бизона, у кого отрезанные ноги зверя на плечах, у кого лук в руке и стрелы, у кого копьё с острым каменным наконечником. Лес сосновый в горы ведёт. Тропа за мелкой речкой круто поднимается, да мужикам не привыкать – каждый день здесь ходят. Вот и поляна перед огромной пещерой. А светло ещё: весь домашний люд у костра снаружи. Тут и старушки-матери с иссохшими, как пожухлые листья, грудями, и молодые грудастые и губастые жёны, и дети от мала до велика. Все при деле. Одни женщины мясо жарят на огне, другие обувку из кожи шьют, третьи детишек грудью кормят или ножи каменные затачивают, а ребятня постарше дрова и хворост из лесу натаскивают к костру на поляне да в пещеру, где тоже огонь для костра кремнием высекают, по пальмам лазают за кокосами. Старики из глины чаши да котелки выделывают.

Приходу охотников с добычей все рады. Мясо никогда лишним не бывает, хоть ещё немного осталось от недавно убитого мамонта, бивни которого тоже могут сгодиться для устройства жизни. Мало ли что из них можно соорудить? Да хотя бы вход в пещеру обставить и на них шкуру повесить для прикрытия.

Но сколь ни много работы у пещерного человека, а отдых ему тоже нужен был, особенно охотникам, что день-деньской на ногах с копьём, дубинкой и луком за носорогом и мелким зверем да птицами гоняются. Вот и смастерит иной любитель дудочку из тростника или камыша крепкого, так чтобы вечером поиграть у огонька в пещере, поразвлекать ребятшек и женщин, а и самому в охотку послушать разные звуки,

доносящиеся из трубочки. А кто-то другой усядется у пещерной скалы и при свете пылающего пламени станет угольком вырисовывать на твёрдой каменной стене утреннюю сцену охоты на носорога, аккуратно выписывая громадное тело животного с опущенным угрожающе рогом, но в окружении лучников и уже со стрелой в боку. Кто знает, для чего рисует? Может, для своего удовольствия, пока спать не хочется, а за пещерой льёт ливень и гроыхает нечистая сила. Может, для жены, что рядышком ласково к нему прижалась. А, возможно, для детишек – порадовать тем, что они ещё не видели, но обязательно повстречают в своей жизни. Стало быть, вроде урока какого-то.

Или можно ещё подумать, что рисовал талантливый тот художник изображение зверя, полагая, что тем самым призывает к себе удачу на следующей охоте, вроде как, призывая духов помочь в следующие дни, раз он запечатлел образ некоего питекантропа с копьём на скале. Но уж, конечно, безымянный художник или художница, а бывали среди них и женщины, никак не думали о том, что через тысячи лет супер дальние потомки художника будут восхищаться их творениями и изучать по ним историю рода человеческого. Думать не думали, а просто радостно им было увлечься рисунками, на дуде поиграть, птичьи голоса передразнивать, а потом обнять любимого человека, ощутить волнующий трепет тела и наполниться счастьем жизни. Хотя и не было у первобытных людей такого философского понятия, как счастье, не могли они рассказать, что о нём думают и как оно выглядит, но счастливы они были, не зная ни войн, ни богатства, ни денег.

Да зависть вдруг заела, когда узнали, что у другого народа есть то, чего нет у этого, а у этого есть то, чего нет у другого. К тому времени из пещер многие выбрались, начали строить хижины, а там и до домов дело дошло. Обзавелись хозяйствами. Так в хозяйстве много чего хочется из того, что у соседей есть, а у тебя как-то не наблюдается. Нашли выход – решили поменяться: ты мне то, а я тебе это. Так возник бартерный обмен, и, чем больше становилось связей между соседними племенами, хозяйствами, потом городами и даже государствами, тем больше развивалась бартерная торговля. Ты мне – баранов, я тебе – верблюдов, ты мне – шёлк, я тебе – янтарное украшение или что другое. Так понятное дело, человек вышел из племени, начал жить в более широком обществе, приоделся, стал интересоваться не только охотой и рыбной ловлей да подсобным хозяйством. Ему теперь подавай развлечения и философствования о смысле жизни.

Веками так жили люди и не тужили. Правда, возникали порой проблемы, когда тот, у кого было много баранов, хотел обменять нескольких на пару верблюдов, но тому, у кого были верблюды, не нужны, оказывалось, бараны, зато ему хотелось иметь золотое украшение, которое было у того, кто не хотел верблюдов. И вот владельцу баранов приходилось менять их сначала на золотое украшение, владельцу которого как раз нужны были бараны, а потом уже эту красоту менять на нужного верблюда. Так постепенно усложнялась бартерная торговля, когда в качестве обменной единицы становились ракушки, ожерелья, наконечники стрел, копий и прочая утварь, пока персидский царь Дарий не произвёл революцию в этом деле, введя в оборот металлические монеты, отменив в своём государстве бартер. И случилось это лишь в пятом веке до нашей эры. А ещё через сто лет, при правлении знаменитого Александра Македонского, родились в его государстве и рассыпались по всему миру золотые монеты, просуществовавшие до двадцатого века уже нашей эры.

Золото. Оно слепило людей своим блеском, своей таинственной красотой, своей необыкновенной силой. За золото можно было купить всё: не только вещи, но и славу, любовь, преданность. Но оно коварно оказалось – золото. Покупая душу человека, оно делало из него раба, отнимая возможность свободно дышать, думать, ходить. Встретив взгляд несравненной красавицы, сразу полюбившейся ему, мужчина внезапно задумывался, во что обойдутся ему ласки женщины, хватит ли ему золотых монет на любовь. Так же мыслила и прелестница, глядя на восхищённого ею мужчину, рассчитывая в уме, достаточно ли у него злата, чтобы владеть её красотой. Но могли ли они быть по-

настоящему счастливы, даже если математические суммы золотых монет соответствовали их любовным утехам? О, нет! Ведь коварство злата в том и состоит, что стремление к нему безгранично, и, чем больше его имеешь, тем больше хочется. И лишь те влюблённые, что напрочь забыв о существовании такого мерзкого слова, как золото, отказавшись от него во имя любви, кидаются друг другу в пламенные объятия страсти, поднимаются до невообразимых высот небесного счастья.

Часть 2. Коммунизм на Шпицбергене

Так рассуждал Евгений Николаевич ещё на Шпицбергене, где они с Настенькой жили в шахтёрском посёлке Баренцбург семь лет, можно сказать, как у бога за пазухой, так как деньги там почти не были нужны. Ну, в самом деле, зачем, если в столовой питались, когда угодно, сколько угодно, и бесплатно? Нет, разумеется, деньги за питание у них снимали в бухгалтерии, как у всех работников шахтёрского посёлка, из зарплаты, которую никто в глаза не видел до возвращения на родную землю после отработки определённого количества лет на архипелаге. Тогда вернувшиеся из командировки получали в кассе треста «Арктикуголь» сразу громадные суммы бумажных купюр и тут же начинали ими распоряжаться.

А до этого времени, живя на Шпицбергене, никто даже не интересовался, сколько ему стоит проживание в общежитии или отдельной квартире (оплата была мизерной), никто не платил за то, что ежедневно ходил в плавательный бассейн спортивного комплекса и пользовался спортивными залами и инвентарём, за лечение, если случалось, в больнице, за посещение кинотеатра или библиотеки в клубе. Стоимость питания была несущественной в сравнении с полярной оплатой труда, а есть можно было, как говорится, от пуза. Чем это не первобытный строй, когда денег ещё в природе не было?

Хотя, конечно, тогда было хуже. Плавательного бассейна под крышей не было. Лыжи для прогулок никто бесплатно не выдавал – приходилось самим делать. Антенны на горе для передачи телевизионных сигналов, да и самих телевизоров не было. А как же сейчас без телевизора после работы? Откуда новости-то узнаешь? Да и прочие блага цивилизации хочется иметь, а они все на материке платные.

Нет, тут, пожалуй, другое сравнение подходит. Жили они на Шпицбергене почти как при коммунизме. Всё, что в посёлке, всё твоё. Библиотека? – пожалуйста. Спортзал? – пожалуйста. Хочешь на коньках покататься? – пожалуйста тебе и каток в зимнее время (а оно на Шпицбергене долгое), и коньки бесплатно. Прихватила случайно хворь какая – беги в больницу, там и осмотрят, и выслушают, и таблетки надают, чтоб здоровым вышел. Ни за что не платишь. Даже водку и продуктовый набор из консервов, включая красную или чёрную икру, выдают в буфете раз в месяц или к праздникам по спискам работников.

А деньги ведь, между тем, идут где-то там, накапливаются. Ну, вычитают кое-что в бухгалтерии за услуги, так то ж мелочь по сравнению с северной двойной зарплатой, да и не видишь, как вычитают, и на душе спокойней. Потому и живут в посёлке многие долгожители – шахтёры, конторские служащие, учителя и прочий персонал. Втягиваются они в эту безденежную спокойную жизнь. И были бы они так же счастливы, как далёкие первобытные предки, если бы не сознание того, что где-то рядом, по другую сторону архипелага, идёт совсем другая жизнь, куда они рано или поздно вернуться, где над всем неумолимо властвуют совершенно никчёмные и неспособные ни на что сами по себе – деньги. Где за всё, что ни попадя, надо платить и думать, хватит ли на другое, что тоже необходимо.

– Ну, правильно, – говорил Евгений Николаевич Настеньке перед отъездом из Баренцбурга, когда его жена сидела на диване и вязала варежку, изредка взглядывая на мужа смеющимися глазами, – деньги-то мы заработали, но тратить их как-то отвыкли, а

придётся ходить каждый день в магазины. Я ж тебе рассказывал, как в прошлом году в Ялте, да и в Москве, сначала путался в деньгах, давая в магазинах то слишком мало, то слишком много. Никак не мог привыкнуть к новым купюрам. Тебе это предстоит тоже.

– А я на тебя положусь, – засмеялась Настенька. – Ты у меня будешь добытчиком. Я по магазинам, как моя бабушка, не очень люблю шастать. Это мама любительница делать всякие покупки, а я нет.

– Не возражаю, – с усмешкой ответил Евгений Николаевич, – буду агентом снабжения по мере возможностей. Только дел у меня будет много в Москве. Не то, что здесь.

– А то ты здесь не занят всегда? Да я шучу. Конечно, буду ходить в магазины. Куда ж я денусь? – проговорила Настенька умиротворяющим голосом. – Что ж я не понимаю, что ли? Первые дни будет трудно разобраться с ценами, а потом научусь.

– Да, Настенька, я вот всё думаю: почему люди не могут устроить жизнь иначе?

Евгений Николаевич сидел в кресле напротив своей подруги сердца, заложив ногу на ногу, подперев левой рукой подбородок на подлокотник, и рассуждал:

– Представь себе такую картину.

Глаза говорящего, посвечивающие из-под ресниц голубизной, мечтательно устремились куда-то вдаль, всё лицо как будто вытянулось вслед за мыслью:

– Если бы не случилось у нас в стране этой несчастной перестройки и дальнейшего развала страны. Жили бы, как прежде, в союзе со всеми республиками. Продолжали бы снижение цен на товары, как было раньше. Устраивали бы на предприятиях бесплатное питание в столовых, как у нас в Баренцбурге, потом в учебных заведениях, потом в городских и сельских районах для тех, кто там живёт и работает в мелких учреждениях. Ну, на первых порах можно было бы придумать карточки работающего жителя. Так бесплатным питанием охватили бы всю страну. В больницах-то у нас бесплатно кормят, а почему нельзя в школах, техникумах и институтах?

Настенька слушала внимательно, не прерывая, набрасывая шерстяную нитку петлю за петлёй на спицы. Варезки её научила вязать переводчица Анечка, работавшая в музее «Помор» гидом.

Часть 3. В музее

Маленького роста, молодая девчушка, жена рослого и такого же молодого шахтёра Игоря, сначала работала в столовой, как и многие спутницы завербованных на архипелаг добытчиков угля. Выбор работы для жён в шахтёрском городке был невелик: либо столовая, либо прачечная, либо, если есть специальность, школа, больница или швея в мастерской. Аня шить и учить не умела, но ходила на курсы английского языка, организованные Настенькой, и проявила необыкновенную способность к иностранному языку, скоро научилась правильному произношению и зазубрила наизусть текст экскурсии, так что Евгений Николаевич согласился, по рекомендации супруги, предложить директору шахты ввести в штат должность смотрителя музея с исполнением обязанностей гида-переводчика. Эта работа понравилась Ане гораздо больше мытья кухонных котлов, посуды и полов в столовой.

Весёлая по характеру, большеглазая девушка с длинными скользящими по плечам русыми волосами выглядела очень привлекательно и, не смущаясь, отвечала на вопросы туристов примитивными английскими фразами, храбро смеясь и переспрашивая, если что-то не понимала. Иностранцы, никогда не ожидающие, что в российском посёлке кто-то знает английский лучше них, оставались вполне довольными работой юной сопровождающей, тем более что у каждого музейного экспоната была подпись на английском языке.

В часы, когда в музее не было посетителей, Аня сидела спокойно и вязала рукавички, которые у неё иной раз покупали иностранцы. А для некоторых жителей норвежского посёлка Лонгиербюен она вязала даже на заказ, соглашаясь на небольшую

оплату. Но расплачивались-то заказчики норвежскими кронами, которые можно было использовать для покупки лакомств или каких-нибудь норвежских сувениров в те редкие выходные дни, когда для жителей посёлка устраивались экскурсии в Лонгиербюен на буксире или даже вертолётном. Вот когда ей особенно помогали в походах по нескольким магазинам, всегда полным разнообразных товаров, курсы английского. Такая она была умелица.

Настенька вела экскурсии обычно сама, но в отдельные дни позволяла выполнять рассказ по музею Анечке для практики её языка, лишь изредка подправляя подружку. А та, в свою очередь, показала Настеньке, научившейся основам вязального мастерства у бабушки, но вязавшей хорошо только простые шарфики, приёмы вязания варежек, с которыми теперь уверенно справлялась Настенька, слушая мужа. А он продолжал:

– Потом не только кормить, но и одевать можно было бы бесплатно. У нас же дают везде спецовки шахтёрам и рабочим других специальностей бесплатно. И мне же, как уполномоченному треста, выделили бесплатно представительское пальто, чтобы не стыдно было перед иностранцами. И шахтёры все ходят в одинаковых красивых дублёнках, выданных в качестве спецодежды. А почему бы так не делать для всех работающих? Постепенно перешли бы на такую одежду для каждого. Пусть сначала не очень разнообразную, а потом уже и улучшать этот ассортимент. Удерживать какие-то суммы из зарплаты, но обеспечивать всем необходимым. Так постепенно отпала бы нужда в деньгах, и наступил бы то, что называется, коммунизм. При этом, естественно, все должны трудиться. Всем должна быть работа. Я не имею в виду пенсионеров. Они своё отработали и на всё заработали. Что же до приезжих иностранцев, то для них за валюту и магазины, и рестораны и прочее. А хочется тебе в ресторан пойти, пожалуйста, за деньги, которые у тебя остаются от пусть небольшой, но устойчивой зарплаты. В принципе, от тех доходов, что даёт коллективный труд, при справедливом их расходовании, можно всюду обеспечить сытую бесплатную жизнь. Главное, чтобы не было так: тебе немножко, а мне побольше.

– А если тебе хочется куда-то поехать, – спросила Настенька, разглядывая связанный палец варежки.

– Пожалуйста, – прозвучал ответ. – Билеты хоть на поезд, хоть на самолёт бесплатны.

– А за границу? Как там будешь без денег?

Евгений Николаевич почесал в затылке.

– Само собой разумеется, что в окружении других государств такие преобразования с деньгами архи сложны, как сказал бы Владимир Ильич, но, я думаю, возможны. Ведь с другими странами мы продолжаем торговлю и зарабатываем валюту. Её и выдаём тем, кто хочет ехать в командировку или на экскурсию за рубеж. То есть всё можно предусмотреть. Были бы желание и воля.

– А если кто-то совсем захочет уехать в другую страну?

– Это уже совсем иная проблема. Тут можно выдавать какую-то определённую сумму в валюте для начала за то, что работал в нашей стране. А дальше пусть сам решает, как жить. Только вряд ли найдётся много желающих менять бесплатное существование на полную опасностей жизнь, где каждый норовит тебя обмануть, урвать от тебя побольше, где ты, как индивидуум, никому не интересен, если у тебя нет громадного капитала. Тут скорее в нашу страну будут стремиться бедняки из других стран.

Евгений Николаевич улыбнулся, но улыбка его была несколько саркастической, а в глазах просвечивалась грусть, когда он говорил:

– Впрочем, Настюша, эти мои представления теперь из области фантастики. В стране нашей, как ты понимаешь, другие силы взяли иной курс. Хотел сказать курс развития, но язык не поворачивается говорить так, ибо никакого развития пока не намечается, к великому сожалению.

Часть 4. Ценовая проблема

Первой проблемой приезжавших в Россию из зарубежной командировки людей оказывались по понятной причине деньги. Что делать с ними, если их много? Куда деть накопленное, что бы оно не пропало, не превратилось в пыль, как уже не раз происходило? Все хорошо помнили 1993 год и ставшую знаменитой фразу председателя правительства Виктора Черномырдина: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

После роспуска Советского Союза бывшие союзные республики начали самостоятельно печатать рублёвые денежные знаки и наполнять ими рынок. Рубль совершенно обесценился, десяти и пятидесятичные купюры, выпущенные в 1992 году, не могли радовать их обладателей. Если зарплата работающего человека выросла по сравнению с советским периодом в тринадцать-четырнадцать раз, а пенсия и того меньше, то стоимость, например, самого необходимого продукта – хлеба возросла в сто пятьдесят раз. То есть, если буханка хлеба стоила раньше 14 копеек, то теперь за неё приходилось платить 21 рубль.

Евгению Николаевичу, получавшему на Шпицбергене зарплату вместо прежних 200 рублей по договору, что считалось относительно высокой оплатой его труда, не сравнивая, конечно, с зарплатой шахтёров, после реформы её подняли до 3000, зато деньги, накопившиеся в небольшом количестве и лежавшие на сберегательной книжке в банке, фактически обесценились. А по поводу стоимости хлеба ему вспоминались занятия в Ялтинском университете марксизма-ленинизма, который он окончил с отличным дипломом. Руководитель университета Николай Григорьевич любил рассказывать в своих лекциях о том, что цена на хлеб в Советском Союзе остаётся неизменно низкой, не смотря на постепенный неуклонный рост заработной платы трудящихся.

С хлебом пошла в рост цены на всё. Рыба стала стоить в триста раз дороже, цена за килограмм картофеля выросла в триста пятьдесят раз, масло и молоко в семьдесят пять раз, сахарный песок в сто десять раз. Ну, что говорить? Там, на Шпицбергене, где всё выдавалось бесплатно, эти изменения почти не замечались. А на материке так долго не могло продолжаться. И тогда в августе 1993 года произошла денежная реформа, ликвидировавшая крупные денежные знаки. Жёсткие сроки обмена денег в связи с возникшей паникой в стране продлевались, условия обмена облегчались, и всё же тысячи и тысячи людей в очередной раз потеряли при этом обмене свои сбережения, если они были. Стоимость рубля не укрепилась. Бывшие союзные республики ввели у себя свои валюты, отказавшись от рубля.

Настенька тоже тогда пострадала. Деньги за курсы английского языка, которые на её счёт перевели за год занятий шахтёры и их жёны, вмиг обесценились и стали по сути дела копейками. Осознав этот факт, Настенька только посмеялась, сказав, что работала бесплатно, но зато с пользой для людей. Они ведь, её постоянные любители английского языка, научились хоть немного говорить на английском и могли теперь без переводчика на местном рынке для иностранцев предлагать свои самоделки, зимние шапки, писанные ими же пейзажи гор, фиордов, заходящего солнца и называть за них смешные для норвежцев цены.

Да и все шахтёры, завершавшие работу по контракту в конце 1992 года и мечтавшие по возвращении на материк купить машину или новую квартиру, узнав, что в одночасье цены на материке выросли в сто, двести, триста раз, а их накопления в бухгалтерии остались неизменными, поняли, что государство их здорово обмануло и сделать ничего нельзя, кроме как продлить контракт на работу уже при новой, повышенной, зарплате и снова копить на машину.

Это стало напоминать игру в вопросы «веришь – не веришь», где на вопрос «Веришь ли ты тому, что государство тебя опять не обманет?» нужно не просто ответить утвердительно или отрицательно, а поступить соответственно твоей вере. Но как, чтобы не

получилось опять черномырдинское «хотели, как лучше, а получилось, как всегда»? Вот вопрос.

Часть 5. Адвокат в помощь

Евгений Николаевич с Настенькой прилетели в Москву со Шпицбергена в июле 1998 года и тоже стали думать, что делать с полученной большой суммой денег. Ходили слухи, что рубль может резко упасть. Нужно было что-то предпринять. Но они оба не были предпринимателями. Оба увлекались поэзией, оба гуманитарии до мозга костей. Вкладывать деньги в бизнес им было непонятно. Превратить рубль в валюту и положить в банк, но в какой? И как раз в один из этих дней – судьба, она всё же делает своё дело – Евгений Николаевич встречает в метро на переходе станции Новокузнецкая своего давнего знакомого адвоката Пермякова. За годы, что они не виделись с момента суда над Настенькой, где он триумфально выиграл дело несчастной в тот момент девушки, низкорослый, полноватый, вечно улыбающийся человек несколько не изменился и, что главное, никуда в этот момент не спешил, поэтому радостно остановился при виде узнавшего его Евгения Николаевича:

– Очень, очень приятно с вами встретиться, – весело заговорил он скороговоркой, протягивая руку. – Хотелось давно узнать, как там поживает наша Настасья Алексеевна, да всё не у кого было спросить, да и некогда. А вы, помнится, были дружны с нею. Не знаете, как она сейчас? Где? Что делает?

– Вы всех помните своих подопечных? У вас-то их, небось, сотни проходят? – спросил Евгений Николаевич, продолжая пожимать руку адвоката.

Несмотря на летнюю жару, Пермяков был одет в чёрный костюм, на фоне которого яркой полоской алел красный галстук. Адвокат всегда на службе официален, как при параде. На круглой голове ничего не надето, так что редущие волосы лишь слегка прикрывали небольшую лысину. Карие глаза, казалось, смеялись, дополняя улыбку, сопровождающую извержение слов.

– Клиентов у меня на самом деле много, но то дело с Настенькой было особым. Очень хорошая девушка, открытая, откровенная. Сама себя по наивности могла чуть ли не под расстрельную статью подвести, хотя ни в чём не была виновна и достойна была только жалости. Так вы не знаете, где она сейчас и что делает?

– Знаю, Леонид Евгеньевич. Она сейчас дома, ждёт ребёнка. А я её муж.

– Что вы говорите? – изумлённо воскликнул Пермяков. – Я же был у неё на свадьбе и, кажется, у неё видел другого мужа. Не помню, к сожалению, его имени.

– Вы правы, – погрузневшим голосом ответил Евгений Николаевич. – Но её муж Володя вскоре после свадьбы умер от рака. Мы с Настенькой уехали работать на Шпицберген, куда должна была приехать и моя жена, но самолёт, в котором летела Люся, разбился при посадке на архипелаг. Так и случилось, что мы с Настенькой оба, давно любившие друг друга, но не смевшие себе признаться в этом, оказались одинокими и потому просто не могли не пожениться. И я с удовольствием приглашаю вас к нам в гости. Мы только что вернулись со Шпицбергена, так что я сейчас занят вопросом, куда поместить наши заработанные рубли, чтобы они не пропали. Такая, знаете ли, проблема.

– О! – всполошился адвокат. – Я вам рекомендую положить деньги в наш Инкомбанк, которому я оказываю юридические услуги. Ему уже десять лет, он входит в пятёрку крупнейших банков России. И деньги лучше, я думаю, класть в валюту, так как ситуация с рублём мне кажется не очень надёжной. Там же в банке можете произвести обмен на доллары. Однако, – Евгений Леонидович поднял вверх палец, – оставьте какую-то сумму на пропитание. Я вам дам адресок.

Адвокат быстро сунул руку во внешний карман на груди пиджака и достал оттуда визитку банка.